

Д.-р. Валери Аркадиевич АЛЕКСЕЕВ*

**ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ:
ОТ ПАРТНЕРСТВА К СОЮЗУ
(КОНСПЕКТ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ)**

Государственно-церковные отношения - это своего рода чуткий показатель гражданского состояния общества, четкий барометр, способный довольно точно ответить на вопросы о положении в области соблюдения прав человека, его основных свобод. Поэтому изучение состояния и перспектив государственно-церковных отношений следует отнести к числу весьма приоритетных, особенно в настоящее сложное время перехода российского общества от одной модели своего социально-политического устройства к другой.

Церковь не есть лишь подчиненный субъект в государственно-церковных отношениях и играет не только некую заранее определенную второстепенную роль "амортизатора" социальной драмы бытия или "духовного наполнителя" бездушной действительности, но в отдельные моменты может выступать как своеобразная альтернативная идеологическая база, способная аккумулировать и генерировать общественные настроения. Правда, это происходит чаще тогда, когда максимально ослаблены и истощены ресурсы функционирования государственного механизма.

Изучение природы и специфики государственно-церковных отношений даст возможность оценивать религиозный фактор в виде триединого комплекса, включающего в себя такие компоненты, как религиозное сознание, религиозную деятельность и религиозные организации. Особым составным звеном этого целостного комплекса следует считать Церковь, которая, помимо своей сакральной сущности, в то же время рассматривается и в качестве сложноструктурного социального организма - института с присущим ему набором соответствующих характеристик.

Определение Церкви в качестве одного из социальных институ-

---

* Автор доктор философских наук. Профессор Московского государственного университета имени Ломоносова, Москва.

тов придает ей довольно четкий общественный статус, присущий в разной мере практически всем другим подобным элементам. Хотя она в силу своих специфических признаков достаточно удалена от "мирской", материально-производительной и социально-политической жизни общества, выполняя функции весьма самостоятельного субъекта. Ведь несмотря на вмешательство в определенные периоды светских властей, государственных органов в жизнь религиозных организаций. Церковь сохранила свои канонические нормы, вероучительные традиции, догматические особенности, организационную целостность и разветвленность, иерархическую субординативность и священническую корпоративность.

Историко-ретроспективный взгляд на проблему

Очень важны рассмотрение конкретно-исторических ситуаций, ретроспективный анализ сущностных характеристик с учетом их включенности в политико-хронологический контекст с целью определения аналогий и выявления типологий в довольно противоречивой и многообразной картине государственно-церковных отношений.

1. *Особый характер государственно-церковных отношений в 1917-1924 годы.* В 1917 году, еще до прихода в октябре партии большевиков к власти в России, были проведены существенные преобразования в области государственно-церковных отношений. Временным правительством в марте и июле 1917 года были приняты законодательные акты: "Об отмене вероисповедных и национальных ограничений" и "О свободе совести", которые по-новому определяли положение Церкви и религиозных организаций в России, провозглашали их равенство перед законом, предоставляли широкие права конфессиям в их богослужбной, миссионерской, педагогической и общественно-политической деятельности. Вместе с тем, Русская Православная Церковь по-прежнему занимала ведущие позиции среди прочих вероисповеданий, Временное правительство оказывало ей предпочтение в сношениях с конфессиями.

Партия большевиков, придя в октябре 1917 года к власти в России, резко изменила характер и суть государственно-церковных отношений принятым декретом (от 20 января 1918 года) "Об отделении церкви от государства и школы от церкви". Это был радикально-революционный шаг, ломавший традиционные представления о всех, казалось бы, возможных вариантах государственно-церковных отношений в России, где, по данным государственной статистики начала XX века, более 90 процентов населения состояло из верующих людей (в т.ч. свыше 80 процентов являлись православными). Декрет резко обострил отношения между государством и Церковью, привел их в состояние конфронтации. В известной мере, можно полагать, что государственно-церковный конфликт явился, наряду со многими другими, тоже одной из причин, приведших вскоре Россию к гражданской войне.

Церковь претендовала на духовное водительство в обществе, в

то время как правящая большевистская партия также добивалась господства своей идеологии. Учитывая, что одной из главных компонент в большевистской идеологии был "воинствующий атеизм", нетрудно представить, насколько ожесточенный характер приобрел конфликт между завоевавшими власть большевиками и церковными организациями. Известно, что одним из императивов этой идеологии был вульгарный лозунг, позаимствованный у К. Маркса: "Религия есть опиум народа". Скажем, весьма одномерно толковались лидером большевиков В. И. Лениным социальные корни религии, что диктовалось довольно прямолинейной логикой его политической борьбы, в которой упрощение предмета идеологических споров использовалось как сознательный пропагандистский и публицистический прием. В дальнейшем эти упрощенные и просто грубые пропагандистские заявления на практическом уровне борьбы с религией расценивались ленинцами в виде аксиомы и универсального метода для полного уничтожения "религиозного дурмана" в прямом, жестоком смысле.

Ленинские императивы пропагандировались и развивались его соратниками, учениками и последователями. Н. И. Бухарин, среди других лидеров РКП(б) особенно много уделявший внимания "религиозному вопросу", в книге "Азбука коммунизма", написанной в соавторстве с Е. А. Преображенским, еще более примитивизировал сущность религии и Церкви, тем самым инспирируя негативную реакцию большевистской партии, определенной части населения по отношению к Церкви, духовенству, верующим.

Весьма вульгарно и облегченно в контексте борьбы с Русской Православной Церковью в 20-е годы толковал такие серьезные вопросы, как причины глубокой религиозности русского народа и Л. Д. Троцкий, утверждая, например, в статье "Водка, церковь и кинематограф" (одно название чего стоит!), что "религиозности в русском рабочем классе нет совершенно. Да ее и не было... Православная церковь была бытовым обрядом и казненной организацией. Проникнуть же глубоко в сознание и связать свои догматы с внутренними переживаниями народных масс ей не удалось. Причина здесь та же: некультурность старой России, в том числе и ее церкви..."

Органы революционной диктатуры, исходя из этих посылок, объявили подлинную войну "церковникам", наиболее непримиримо относясь к Русской Православной Церкви - "оплоту самодержавных настроений".

По инициативе В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого было принято решение изъять ВСЕ ценности религиозных организаций якобы для оказания помощи голодающим в России. Церковь не возражала против этого, но она была против передачи ВСЕХ богослужбных предметов, сделанных из драгоценных металлов и камней. Такая позиция вызвала заранее спланированные массовые репрессии против православного духовенства. Был арестован глава Русской Православной Церкви Патриарх Тихон (Белавин), а многие другие иерархи, например, митрополит Вениамин (Казанский), тысячи священников казнены.

Параллельно, в русле этого комплексного плана наступления на Церковь, органами государственной власти велась тщательно продуманная работа о расколе в Русской Православной Церкви, продвижению на руководящие посты в ней священнослужителей-обновленцев. Однако обновленческий раскол в целом не сыграл решающей роли: Русская Православная Церковь, приняв некоторые компромиссные меры по налаживанию контактов с государством, отказавшись от конфронтации с ним, сумела сохранить свое духовное влияние среди значительной части населения.

С другой стороны, сам факт установления государством контактов с Церковью говорит о том, что правящая большевистская партия признала несостоятельность тех своих лозунгов и доктринальных установок, которые утверждали возможность устранения религии из жизни людей в кратчайший срок. Больше того, переход к середине 20-х годов к новой экономической политике (НЭПу) потребовал от власти и перемены в религиозной политике. В условиях экономической многоукладности возникла необходимость в религиозном плюрализме - "религиозном НЭПе".

2. Антирелигиозная доктрина в СССР в 20-40-е годы. "Религиозный НЭП" в Советской России просуществовал примерно столько же, сколько продолжалась новая экономическая политика. В конце 20-х годов она стала сворачиваться государственными органами в одностороннем порядке. Коммунистической партией была поставлена задача начать в стране, наряду с наступлением на кулака и нэпмановские элементы, еще и "антирелигиозное наступление".

На основании ряда директивных указаний ЦК ВКП(б) руководитель Союза воинствующих безбожников (СВБ) Ем. Ярославский в начале 1930 года выдвинул предложение об объявлении "безбожной пятилетки", в ходе которой необходимо было достигнуть 10-миллионной численности СВБ, а также, увязав процесс "обезбоживания народа" с процессом сплошной коллективизации в СССР, лидер безбожников заявил тогда, что к концу "безбожной пятилетки" следует наполовину сократить число религиозных организаций.

При этом Ярославский и другие лидеры СВБ убеждали общественность в том, что, дескать, в стране уже достигнуты огромные успехи в "обезбоживании масс". На самом деле к началу 30-х годов в СССР имелось попрежнему огромное число верующих - свыше 80 процентов населения, а "темпы атеизации масс" были явно не высоки. И первая, и вторая "безбожные пятилетки" не были выполнены: ни десяти, ни даже пятимиллионного Союза безбожников создать не удалось.

В середине 30-х годов Ем. Ярославский фактически признал, что в СССР численность верующих оказалась на уровне 1929 года, то есть примерно 100-120 миллионов человек. С одной стороны, это послужило причиной для инициирования со стороны СВБ нового витка ожесточенного наступления государства на религиозные организации и духовенство, которых пытались представить как ярых врагов социализма. К

борьбе с религиозными организациями СВБ подключил и карательные органы - НКВД, ОГПУ.

С другой стороны, неудачи в деле "массового обезбоживания" общества показали политическому и государственному руководству, что следует провести определенную ревизию в данном вопросе, пересмотреть характер государственно-церковных отношений. При этом приходилось учитывать и тот факт, что абсолютное большинство религиозных организаций не собиралось воевать с властью, а выступало с позиций сотрудничества с государством. И хотя до начала 40-х годов каких-либо резких, коренных перемен в государственно-церковных отношениях не произошло, тем не менее исподволь шел процесс нарастания, вызревания их взаимодоверия. Это был процесс укрепления единства всех слоев народа в условиях повышения вероятности развязывания агрессии извне против Советского Союза.

3. Новое положение церкви и религиозных организаций во время Великой Отечественной войны и в первый послевоенный период. Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в область государственно-церковных отношений. Сразу же с ее началом они стали изменяться в более конструктивную сторону. В самый первый период войны фактический глава Русской Православной Церкви митрополит Сергей (Страгородский), исполнявший обязанности Патриаршего Местоблюстителя, обратился к верующим и всем гражданам страны с призывом без колебаний выступить на защиту Отечества. Всего более 20 раз глава РПЦ обращался к народу с патриотическими призывами за годы войны.

Все это дало повод руководству страны во главе с И. В. Сталиным пересмотреть прежний характер государственно-церковных отношений и перейти к сотрудничеству. Новая модель государственно-церковных отношений потребовалась по ряду внутренних и внешних причин.

К внутренним причинам следует отнести те обстоятельства, что в условиях необходимости сплочения, консолидации общества на патристических позициях, основе героического опыта, богатых духовных традиций народа РПЦ могла и играла весьма существенную роль в этом направлении, особенно среди той части населения, которая ориентировалась на духовные ценности православия и которая насчитывала, по разным оценкам, до 70-80 миллионов человек.

К внешним причинам смены модели государственно-церковных отношений можно отнести те обстоятельства, что Сталин активно добивался скорейшего открытия и эффективного функционирования второго фронта в годы войны и, стало быть, был очень заинтересован в установлении и поддержании нормальных, доверительных взаимоотношений с главами союзных государств, руководством и общественностью других стран, солидарных с антигитлеровской коалицией, в которых очень многие лидеры, видные персоны и вообще граждане являлись верующими. И от степени религиозной свободы в Советском Союзе не-

редко зависел градус теплоты отношений той или иной страны к СССР. Эти обстоятельства также повлияли на характер государственно-церковных отношений.

Наконец, Сталин уже во второй половине войны продумывал будущее Европы и мира и, судя по всему, в послевоенном геополитическом пространстве он желал по-новому определить политическое устройство континента. Скажем, связать ряд государств Восточной Европы в некий панславянский союз, в котором одной из сил объединения должна была стать православная религия. Для этого следовало придать более высокий статус Русской Православной Церкви.

В русле этого замысла Сталиным были осуществлены беспрецедентные для того времени меры: в 1943 и 1945 годах он неоднократно лично принимал высших иерархов РПЦ и удовлетворял почти все их просьбы.

Были проведены Архиерейский и Поместный Соборы РПЦ, избранны поочередно патриархами митрополит Сергей (Страгородский) и после его смерти - митрополит Алексей (Симанский), возобновили деятельность Синод и его учреждения, духовные школы, открылись многие приходы и епархии, стали издаваться церковные календари, журналы, труды богословов, возвратились из ссылки и заключения священнослужители, были возвращены верующим тысячи культовых зданий, восстановлены контакты РПЦ с Поместными Православными Церквями. Прекратилась "воинствующая" антирелигиозная пропаганда.

Нормализация государственно-церковных отношений способствовала притоку в религиозные общины многих миллионов верующих, дала им возможность свободно, легально исповедовать ту или иную религию, что наряду с другими факторами, в целом позволило в трудный послевоенный период существенно оздоровить морально-нравственную ситуацию в стране.

Не эпизоды и не случайности

В последние годы, как известно, разительно переменялся характер государственно-церковных отношений в нашей стране. Они стали более конструктивными, взаимополезными, доверительными. Сейчас официальные власти не позволяют себе таких заявлений в отношении религии, священнослужителей и Церкви, которые они делали еще лет пятнадцать - двадцать тому назад, когда религиозные организации и верующие пренебрежительно назывались "пережитками прошлого", "проявлениями отсталости и реакционности" в общественной практике и сознании людей.

Тем более современное состояние государственно-церковных отношений не идет ни в какое сравнение с тем положением, которое сложилось в нашей стране, скажем, в конце 50-х - начале 60-х годов, когда под руководством неистового в проведении собственных решений, но недалекого и малообразованного, импульсивного и взбалмошного советского лидера Н. С. Хрущева КПСС объявила о грандиозном насту-

плении на "реакционные пережитки" в сознании людей - на религию и Церков. В этот период в ЦК КПСС и Совете Министров СССР был подготовлен и принят целый ряд постановлений не только об усилении атеистической работы в массах, но и о необходимости введения прямых ограничительных и даже репрессивных мер в отношении религиозных организаций и священнослужителей. Так, например, предусматривалось открытое вмешательство государства и его органов в дела религиозных организаций, несмотря на провозглашенные принципы отделения Церкви от государства. И действительно, после принятия этих постановлений государством стало осуществляться вмешательство даже в такие сугубо внутрицерковные вопросы, как регулирование размеров дотаций епархий приходам, определение количества учащихся в духовных учебных заведениях, суммы пенсий священнослужителям, выплачиваемых Церковью, и т. д. Государственные органы стали ограничивать каноническую деятельность и преследовать в уголовном порядке священнослужителей за их высказывания по тем или иным вопросам жизни общества в нашей стране и за рубежом.

В государственных и партийных решениях, принятых в конце 50-х - начале 60-х годов, не говорилось о том, какие конкретно религии объявлялись более реакционными или менее "отсталыми", но сама вытекавшая из этих решений практика антирелигиозной работы своим острием была направлена прежде всего против Русской Православной Церкви.

Этому есть свои объяснения. С самого установления советской власти целая когорта новых руководителей России усмотрела в лице Русской Православной Церкви прямую угрозу революционному режиму в стране и насаждаемой марксистской идеологии. Кроме того, что сами эти революционеры лично были не только чужды духовным и нравственным ценностям, исповедуемым Русской Православной Церковью, но и зачастую они являлись откровенно враждебными им в силу различных причин.

Ожесточенная война на уничтожение, проводимая в первый послереволюционный период советской властью против Русской Православной Церкви, во многом объясняется в том числе и этими соображениями. И ее рецидивы, проявившиеся в 50-60-е годы, также имеют причины, родственные вышеназванным. Н. С. Хрущев принадлежал, без сомнения, к тем людям, которые сформировались под влиянием этих революционных лидеров, он входил в их окружение, испытал на себе воздействие их методов борьбы с Церковью и остался пленником их идей до конца своей жизни.

Вместе с тем в современной литературе складываются опасные стереотипы, по которым многие не знакомые глубоко с сутью рассматриваемой проблемы люди, студенты, изучающие данные проблемы, судят о характере государственно-церковных отношений в советский период истории страны поверхностно, линейно, не замечая тех отличий и особенностей, которые имелись в разные конкретные моменты этой эпохи.

А отличия эти весьма существенны, знаменательны и многозначны, они нуждаются в том, чтобы о них знал широкий круг не только специалистов, но и всех интересующихся данной проблемой людей. Эти особенности можно выявить и обнародовать, только строго опираясь на факты и неизвестные ранее документы, относящиеся к той эпохе, о которой идет речь. Больше того, эти неизвестные ранее факты очень важны для того, чтобы истина восторжествовала и лопнули, как мыльные пузыри, те идеологемы, штампы и фальсификации, которые, сменяя друг друга, пытаются утвердиться в общественном сознании и исторической памяти народа.

К одному из таких штампов в изучении отечественной истории относится идеологема, согласно которой, дескать, отношение советской власти к религии и Церкви, прежде всего Русской Православной Церкви, было всегда сугубо враждебным, агрессивным, вплоть до перестройки, когда с конца 80-х годов отношения государства и Церкви стали нормализоваться. Что, мол, все советские лидеры, начиная с В. И. Ленина, и особенно И. В. Сталин, как самый верный и последовательный ученик и продолжатель дела Ленина, наносили колоссальный урон Церкви, вели непримиримую войну с религией и верующими на уничтожение.

В последние годы, правда, некоторые историки, религиоведы и публицисты под давлением неоспоримых фактов и доказательств (в обнародовании которых в свое время сыграл определенную роль и автор настоящей статьи) хоть и без особой охоты, но делают оговорку, что, дескать, на самом деле были в отечественной истории эпизоды, которые не совсем укладываются в подобные, господствующие ныне в общественном сознании схемы.

Чаще всего речь ведется об одном таком эпизоде как некоем сугубо конъюнктурном моменте, с которым связывают изменение отношения И. В. Сталина к религии и Церкви в последние годы Великой Отечественной войны. Якобы Сталин в этот период вынужден был исключительно в силу служившихся внутривластных и международных обстоятельств на небольшое время отойти от привычных репрессивных методов борьбы с Русской Православной Церковью, ибо этого требовали союзники по военной кампании и интересы его личной выгоды в данной конкретной ситуации. Но затем, дескать, все скоро пришло в обычную колею продолжения агрессивной ленинской линии по беспощадной борьбе против Русской Православной Церкви всей мощью государственной машины.

Нам приходилось неоднократно опровергать в своих публикациях эту незамысловатую схему, говорить с документами и фактами в руках о том, что произошедшая коренная перемена И. В. Сталина и возглавляемых им высших государственных и партийных органов страны в отношениях с Русской Православной Церковью (РПЦ) в годы Великой Отечественной войны на всем ее протяжении и в последующее время, а не только в заключительный период войны, не есть краткий эпизод, сугубо конъюнктурная линия или тактический ход, рассчитанный

исключительно на одностороннее извлечение выгод в собственных интересах или в целях укрепления режима личной власти.

Напротив, мы неоднократно говорили о том, что коренное улучшение отношений государства и РПЦ по инициативе и при личном участии И. В. Сталина началось не в заключительный период Великой Отечественной войны, а гораздо раньше, и даже не с 4 сентября 1943 года, когда состоялась знаменитая теперь уже (благодаря в т. ч. и публикациям автора настоящей статьи об этом событии в советской прессе еще в 80-е годы) ночная встреча в Кремле Сталина с тремя митрополитами Русской Православной Церкви. Но, по нашему тогдашнему мнению, начало этого благожелательного отношения к Церкви следовало отнести еще дальше - к 1941 году. При этом логика и характер этих новых отношений государства и Церкви и тогда подсказывали нам, что развивались они на какой-то неизвестной ранее директивной основе, что еще в 30-е годы И. В. Сталин осуществил вместе со своими ближайшими соратниками по Политбюро ЦК ВКП(б) какой-то коренной пересмотр существовавших до этого идеологических установок по религиозному вопросу. И в этой связи особенно разительной была перемена, произошедшая в отношении к Русской Православной Церкви - тут со стороны государства стало больше лояльности, терпимости, конструктивизма.

Новые документы, оказавшиеся теперь у нас в руках, дают основание подтвердить, что наши предложения на сей счет были верными. Действительно, еще в 30-е годы под руководством И. В. Сталина состоялись важнейшие решения Политбюро ЦК ВКП(б) - высшего органа власти в нашей стране в тот период, - которые подвергли радикальному пересмотру существовавшую ранее беспощадную ленинскую политику по отношению к РПЦ. При этом, несмотря на происходившие по инициативе Сталина в 30-е годы изменения в практике государственно-церковных отношений, ни в прессе, ни в публиковавшихся партийных документах об этом специально не говорилось.

Наиболее значимым, определяющим решением по данному вопросу стало совершенно секретное решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года за № 22 в протоколе № 88. До сего дня этот документ не только никогда не публиковался, но и видеть-то его могли немногие, лишь весьма осведомленные должностные лица. Почему? Думается, данный факт - это тоже весьма любопытная тема, но для другой статьи.

Итак, о чем говорит этот документ? Указанное решение Политбюро носит весьма скромное, трафаретное название "Вопросы религии", но, правда, было сопровождено грифом "Особый контроль", а обложки папок, в которых он хранится, получили еще четыре грифа секретности: "Особой важности", "Совершенно секретно", "Особая папка" и "Рассекречиванию не подлежит".

Содержание пункта первого этого решения Политбюро сразу несет в себе взрывной, оглушающе новаторский для того времени характер. Цитирую: "По отношению к религии, служителям русской православной церкви и верующим, ЦК постановляет:

1) *Признать нецелесообразной впредь практику органов НКВД СССР в части арестов служителей церкви, преследования верующих*". (Орфография и пунктуация здесь и далее приводятся по источнику.)

Таким образом, это было недвусмысленное признание ошибочности всей прежней политики государства по отношению к РПЦ и миллионам православных верующих. Это был коренной поворот во всей внутренней политике, ибо верующих людей в СССР в тот период было более половины населения, о чем мне приходилось в ряде работ писать еще в начале 90-х годов, приводя для этого необходимую аналитико-статистическую базу. До сих пор эти выводы не были никем опровергнуты. Следовательно, можно сделать вывод, что пункт первый указанного решения Политбюро подвергал пересмотру прежде всего "ленинское атеистическое наследие", которое являлось тогда едва ли не краеугольным камнем всей официальной материалистической идеологии. И текст цитируемого нами документа подтверждает это. В пункте втором рассматриваемого нами решения Политбюро об этом прямо говорится: *"Указание тов. Ленина В. И. от 1 мая 1919 г. за № 13666/2 (обратите внимание на этот зловещий и о многом говорящий номер, состоящий из 13 и 666, который в данном контексте не кажется случайным. - В. А.) "О борьбе с попами и религией", адресованный Пред. ВЧК тов. Дзержинскому Ф. Э. и все соответствующие инструкции ОГПУ-НКВД, касающиеся преследования служителей церкви и православных верующих, - ОТМЕНИТЬ"*.

Любопытно, что в этих же папках с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года находится цитируемое в нем "Указание" В. И. Ленина под зловещим номером 13666/2 от 1 мая 1919 года. Этот документ весьма интересен и не только своей совершенной секретностью и закрытостью от широких партийных масс. Ленинское кровожадное отношение к православным священно-служителям и верующим стало известно широкому кругу людей не так давно. Ранее говорилось и писалось в советской прессе лишь об исключительной "ленинской принципиальности" в вопросах последовательной антирелигиозной и атеистической работы в массах". При этом говорилось и писалось только о пропагандистско-агитационном характере этой ленинской борьбы. Однако в конце 80-х - начале 90-х годов широкой общественности стали известны и другие примеры ленинской борьбы с религией - человеконенавистнической и кровавой.

Особенно неприятно поразил многих моих современников текст совершенно секретного письма Ленина членам Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года по поводу событий в городе Шуе, в котором он требовал: *"Мы должны именно теперь дать самое решительное беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше"*.

Правда, это объяснялось в советской прессе периода перестройки-

ки разразившимся в стране в 20-х годах голодом, рецидивами болезненной раздражительности вождя и т. д. Однако многие не соглашались с официальной трактовкой этого события и не считали его досадным, случайным эпизодом в ленинской политике по религиозному вопросу. Некоторые специалисты говорили о том, что это кровожадное требование "беспощадности", жестокого обращения со священнослужителями Русской Православной Церкви и есть на самом деле подлинное ленинское отношение к РПЦ. В то же время все его открытые публикации в советской прессе и партийной печати по религиозному вопросу есть не что иное, как дымовая завеса, идеологическое прикрытие какой-то труднообъяснимой, прямо-таки фанатической ненависти. Но после неожиданной публикации в начале 90-х годов ленинского письма членам Политбюро по поводу событий в Шуе в 1922 году других материалов о ленинской жестокости по отношению к РПЦ опубликовано не было, и, казалось, мы имели дело с эпизодической вспышкой ленинской агрессивности, связанной, может быть, действительно с временной потерей самообладания вождем в трудной ситуации.

И вот в наших руках оказался новый ленинский документ по религиозному вопросу - строго секретное т. н. "Указание" председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому за № 18666/2 от 1 мая 1919 года, который был сопровожден грифом "Снятие копий запрещается, из здания не выносить!"

Что же спешил вождь революции указать председателю ВЧК в праздничный для партийцев день 1 мая? Оставив праздничные заботы и настроения. Ленин требует: *"В соответствии с решением В.Ц.И.К. и Сов. Нар. Комиссаров, необходимо как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше.*

Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов опечатывать и превращать в склады".

Важно отметить, что документ этот был подписан не только В. И. Лениным, но и М. И. Калининым, который, конечно, тоже несет ответственность за кровавые оргии в России. Нисколько не обеляя последнего, тем не менее мы должны признать, что "Указание" - это все-таки именно ленинская директива и Калинин здесь отнюдь не первое лицо этой двойки. Да и сам этот документ был известен очень узкому кругу высших партийных и государственных деятелей Советской России именно как ленинское указание "О борьбе с попами и религией" (кстати, обратите внимание на пренебрежительную ленинскую лексику по отношению к священнослужителям РПЦ). В решении Политбюро ВКП(б) от 11 ноября 1939 года, подписанном И. В. Сталиным, данный документ как раз носит название именно ленинского "Указания".

Ленинское "Указание", без сомнения, относится исключительно к Русской Православной Церкви. Пренебрежительный термин "попы" в устах вождей большевиков применялся только к священнослужителям Русской Православной Церкви. Не случайно, что в решении Политбюро

ЦК ВКП(б) от 11 марта 1939 года ленинское "Указание" рассматривается исключительно в контексте, применительно к Русской Православной Церкви. Сталин и некоторые его ближайшие соратники, например В. М. Молотов, хорошо знали отношение Ленина к РПЦ, и тут путаницы быть не могло.

Итак, ленинское "Указание" совершенно отчетливо показывает, что письмо В. И. Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 года с требованиями самым жестоким образом наказать духовенство РПЦ - как можно "большее число расстрелять" - не было единичным или случайным эпизодом. Карательный, "расстрельный подход" к православным священнослужителям есть истинно ленинским стилем отношения к духовенству РПЦ, который отчетливо прослеживается с самого прихода В. И. Ленина к власти в России во главе большевистской партии. Не случайно в ленинском "Указании" содержится оговорка, что курс на "беспощадный расстрел попов" проводится в соответствии с ранее принятым решением ВЦИК и СНК РСФСР, которое, как можно предположить, вступило в силу в совершенно секретном режиме где-то в конце 1917 - начале 1918 года. То, что авторство в "антирелигиозной кампании" принадлежит В. И. Ленину и его ближайшим двум-трем соратникам, скажем Л. Д. Троцкому, об этом в последнее время приходилось уже неоднократно читать в отечественной и зарубежной прессе, как и то, что И. В. Сталину эти сомнительные лавры явно не принадлежали. Да он на них никогда и не претендовал.

Даже в постленинские 20-е годы И. В. Сталин не вмешивался в ход антирелигиозной борьбы и не требовал ее ужесточения, не давал директивных указаний "расстрелять как можно больше реакционного духовенства" и т. д. Напротив, мы найдем немало документов, когда Сталин требовал перевести борьбу с религией в рамки идеологической борьбы, а не прямых репрессивных мер в отношении священнослужителей и верующих. То есть ничего похожего с ленинским патологическим отношением к РПЦ.

Больше того, именно Сталин рекомендовал в середине 30-х годов вывести священнослужителей из категории "лишенцев" и вернуть им избирательные права, а также отменить другие репрессивные меры в отношении духовенства.

И вот новые факты, подтверждающие коренные отличия отношения Ленина и Сталина к РПЦ. По сути решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года есть едва ли не полная ревизия ленинской линии по религиозному вопросу, начиная с 1917 года. Ибо в пункте 3 этого решения, подписанном И. В. Сталиным, так прямо и говорится: *"НКВД СССР произвести ревизию всех осужденных (подчеркнуто нами - В. А.) и арестованных граждан по делам, связанным с богослужбеной деятельностью"*. Это означало, что ревизии должны были подвергнуться и дела тех, кто был осужден и расстрелян еще по ленинским указаниям. Речь, таким образом, шла о реабилитации духовенства и верующих.

Далее в решении Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1939 года НКВД СССР предписывается: *"Освободить из-под стражи и заменить*

наказание, не связанное с лишением свободы, осужденных граждан по указанным мотивам, если их деятельность не нанесла вреда советской власти.

4) Вопрос о судьбе верующих, принадлежащих к другим конфессиям, ЦК примет решение дополнительно”.

Впечатляющий документ. О многом он заставляет задуматься, как и резолюция руководителя НКВД СССР Л. П. Берии своему заместителю В. Н. Меркулову на этом документе, которая предписывает в оперативном порядке начать работу по его исполнению.

Таким образом, сталинская линия по религиозному вопросу, в особенности по отношению к РПЦ, коренным образом отличалась от ленинской. И это были не эпизоды, не экспромты и не случайные моменты, а глубоко продуманная Сталиным политическая линия по возвращению Русской Православной Церкви ее особого места в обществе.

И, судя по весму, это была долговременная линия, которая началась в 30-е годы и была в определенной мере связана с борьбой и разгромом троцкистско-бухаринско-зиновьев-ского блока. Она проводилась Сталиным осмотрительно, постепенно и неуклонно, чему не помешала даже Великая Отечественная война. Напротив, именно годы войны наиболее полно выявили для многих правоту этой новой религиозной политики. К сожалению, неожиданная смерть Сталина, последовавшие за ней события и возвышение Н. С. Хрущева сделали невозможным продолжение тогда этой новой политики, но она оставила глубокий след, ибо в истории ничто никогда не исчезает бесследно.

4. Кризис в государственно-церковных отношениях в 50-60-е годы. - Практически сразу после смерти Сталина и избрания Н. С. Хрущева руководителем КПСС по инициативе последнего в стране начался быстрый пересмотр сложившегося к тому времени характера государственно-церковных отношений. Стал форсированно происходить откат к худшим временам наступления на религию, имевшим место в 20-30-е годы. По инициативе Хрущева уже в 1954 году были приняты решения ЦК КПСС, которые под видом необходимости активизации атеистической работы партии и преодоления некоторых сталинских ошибок требовали скорейшего ”освобождения” населения страны от ”религиозных предрассудков”. Речь шла, таким образом, о свертывании диалога между государством и Церковью.

Наступление на Церковь вызвало глубокое недовольство со стороны миллионов верующих и духовенства разных конфессий. Начал обнаруживаться острый кризис в государственно-церковных отношениях, что стало проявляться во внутренней, так и во внешнеполитической деятельности советского государства: не все политические лидеры в СССР были согласны с таким курсом, который вызвал негативные настроения и за границей. Руководство страны во главе с Хрущевым вынуждено было в этой ситуации сманеврировать и приглушить на время антицерковные выпады и настоения. Однако после XX-XXI съездов КПСС, на которых Хрущев одержал победу над своими противниками-

сталинистами из состава высшего советского руководства, линия на усиление борьбы с религией возобладала в еще большей степени.

Согласно ряду постановлений ЦК КПСС, принятых в 1958-1962 годы, государственными органами, в том числе КГБ, МВД, Прокуратурой были осуществлены меры по административному закрытию огромного числа храмов, религиозных общин, приходов, монастырей, духовных школ. Так, к 1963 году число православных приходов в стране было сокращено более чем вдвое, по сравнению с 1953 годом. Столь же резко сокращалось количество духовных школ, монастырей.

В то же время важно отметить, что число верующих и религиозно ориентированных людей оставалось примерно на прежнем уровне. Не сокращалось, а даже кое-где увеличилось число религиозных обрядов: крещений, венчаний, отпеваний и т. д. Например, в Белоруссии, на Украине, в Молдавии, Узбекистане, ряде областей и краев России в 1960-1963 годы выросло число религиозных обрядов крещения новорожденных. Даже руководство ЦК КПСС вынуждено было признать, что, несмотря на принятые меры, процесс "освобождения" населения от религиозных "предрассудков" шел весьма медленно.

В свою очередь, слабая результативность борьбы с религией вызывала неудовольствие некоторых лиц из политического руководства СССР, прежде всего Хрущева, побуждала их к непродуманным, импульсивным действиям, а то и к прямой конфронтации с лидерами религиозных организаций. Дело дошло до того, что к началу 60-х годов в стране вновь появились заключенные из числа верующих и духовенства, арестованные за свои убеждения, что усиливало напряженность, углубляло кризис в государственно-церковных отношениях.

5. Эволюция государственных подходов к проблеме религии и церкви в 70-80-е годы. - После смещения Н. С. Хрущева в октябре 1964 года со всех высших постов и прихода к власти Л. И. Брежнева стал несколько видоизменяться характер государственно-церковных отношений. На первых порах, критикуя хрущевское политическое наследие, Брежнев и его ближайшие соратники отказались от репрессивных мер по отношению к духовенству и наиболее активным верующим, освободив из заключения и ссылки практически всех, кого арестовали в конце 50-х - начале 60-х годов. Характер государственно-церковных отношений несколько выровнялся, но не приобрел необходимого динамизма, взаимодействия.

Налицо были попытки поиска новой доктрины в области государственно-церковных отношений, но плодотворному процессу в этом направлении мешали некоторые существенные моменты. Во-первых, в документах правящей коммунистической партии, определявшей государственную идеологию, продолжали доминировать императивы, которые подчеркивали господство в обществе материалистических, атеистических установок и нацеливали на активизацию борьбы с религией. Это не позволяло найти необходимую степень доверия Церкви к государству.

Во-вторых, к середине 60-х годов в СССР складывается правозащитное, диссидентское движение, в которое вошло немало священнослужителей и верующих, резко выступавших против гонений на религию. Правозащитники и диссиденты пользовались поддержкой общественности, религиозных кругов и некоторых государственных структур Запада. Это заставило советские государственные органы с еще большим недоверием относиться практически ко всем отечественным и зарубежным конфессиям, даже прибегать изредка к репрессивным мерам против отдельных лидеров религиозных общин.

И хотя до нового наступления на религию в конце 60-х - начале 70-х годов дело не дошло, тем не менее существенного потепления в государственно-церковных отношениях не наступило. Существовал медленный дрейф государства в сторону мирного сожительства с религиозными организациями, происходила эволюция в парадигме "привыкания" господствующей доктрины к длительному сосуществованию с церковной идеологией в рамках одного общества. Это говорило о большем реализме режима Брежнева, нежели его предшественника.

Власти сознавали, что третирование или игнорирование вероисповедных потребностей порядка 130 миллионов граждан СССР (в том числе около 80 миллионов в России), которые ориентировались на духовные ценности тех или иных религий, не могло не вызывать нового напряжения в стране, крайне нежелательного для провозглашенного Брежневым курса на стабильность.

И тем не менее дважды: в начале и конце 70-х годов ЦК КПСС принимались постановления, направленные на активизацию атеистической работы. Это объяснялось не просто данью коммунистическим доктринальным установкам, но и тем, что руководство страны беспокоило рост числа религиозных обрядов в различных регионах. И тем не менее, несмотря на призывы к усилению атеистической работы, новой антирелигиозной кампании в стране объявлено не было. Продолжалась линия на мирное сожительство государства с Церковью, которая находилась под контролем власти.

6. *Новые тенденции в отношениях между государством и Церковью в 80-90-е годы.* - После ухода с политической арены Л. И. Брежнева новый советский лидер Ю. В. Андропов попытался видоизменить характер государственно-церковных отношений, придав атеистической работе наступательный характер. В 1982-1984 годах было ужесточено отношение к религиозным диссидентам, готовился ряд мер по ограничению роли религии в советском обществе, однако последовавшая вскоре смерть помешала Андропову выолнить намеченное. Кратковременный период руководства страной К. У. Черненко никак не отразился на характере государственно-церковных отношений.

С приходом в 1985 году к власти в Советском Союзе М. С. Горбачева сначала на некоторое время повторилась линия Андропова по религиозному вопросу. Горбачевым настойчиво проводился курс на активизацию атеистической работы, борьбы с религией. В 1985-1988 годах ЦК

КПСС принял несколько постановлений по усилению борьбы с "церковной идеологией". В 1988 году ЦК КПСС дал поручение соответствующим партийным и государственным органам подготовить "Долговременную программу научно-атеистического воспитания населения СССР".

Однако эта программа вскоре была забыта и с конца 80-х годов атеистическая работа практически приостановилась, а характер государственно-церковных отношений выровнялся, нормализовался. Начало этому положило широкое празднование 1000-летия Крещения Руси. К подготовке и проведению этого юбилея были подключены общественные и государственные органы, и праздник этот, таким образом, имел как бы и государственный характер. Проведенная в рамках его в 1988 году встреча Горбачева с руководством Русской Православной Церкви во главе с Патриархом Пименом (Извековым) дала мощный импульс к усилению диалога и сотрудничества государства и религиозных организаций всех конфессий.

Почему это стало возможным к концу 80-х годов? Есть несколько причин. Одна из главных заключается в следующем. Перестройка, объявленная Горбачевым в 1985 году, к концу 80-х годов захлебывалась по разным причинам. Чтобы спасти ее, Горбачеву необходимо было усилить ее широкими демократическими процессами. Учитывая, что Церковь пользуется в народе большим доверием, было решено также пойти на максимально возможный диалог с религиозными организациями, духовенством, чтобы через посредство контактов с ними еще более укрепить связь высшей власти с народом. Эта живительная связь могла спасти реноме Горбачева как реформатора.

Развитием широкого диалога с Церковью Горбачев хотел заниматься также побольше очков в мировом сообществе, где степень религиозной свободы давно идентифицируется со степенью эмансипации граждан вообще.

Следует отметить также, что и в недрах КПСС к этому времени все больше вызревали новые настроения в отношении к Церкви. Среди коммунистов все отчетливее проявлялась не просто лояльность к религии и Церкви, но и явно обнаруживало себя стремление помирить наконец советский коммунизм и Церковь, соединить и направить их позитивный потенциал на благо Отечества. С принятием в 1990 году Верховным Советом СССР закона "О свободе совести и религиозных организациях", а Верховным Советом России закона "О свободе вероисповеданий", основанных на принципах отделения Церкви от государства, этот процесс пошел еще быстрее.

Надо отметить, что общество в целом было готово к этому. Огромное число советских граждан, жителей России с большим удовлетворением встретили начало процесса возвращения религии и Церкви на подобающее им высокое, авторитетное положение в обществе. Многие связывали надежду, что религиозное возрождение поможет духовному сплочению граждан, нравственному очищению общества и спасет страну от назревавших конфликтов и нараставшего сепаратизма.

Однако, действуя строго в рамках отделения от государства,

Церковь в лице руководства основных конфессий в целом не вмешивалась в политический процесс, хотя и не скрывала своих настроений в пользу сохранения единого и сильного государственного образования. Тем не менее в конце 1991 года по инициативе и с участием руководства России, Белоруссии и Украины союзное государство перестало существовать и кончился исторически насыщенный, хотя и не менее драматический этап существования и развития России в рамках общесоюзного государства. Государство и Церковь опять встали перед выбором новой модели своих отношений.

Пластика отношений государства и Церкви

Государственно-церковные отношения являются неотъемлемой составной частью сложеного комплекса специфического социального организма едва ли не каждой общественной системы. По многим особым признакам их можно отнести к разряду "пластических", "подвижных" общественных отношений, так как находятся в состоянии постоянного плотного взаимодействия с социальными, материальными и иными общественными факторами, которые подвержены относительно частым изменениям. Рассматривая государственно-церковные отношения в нашей стране в данной парадигме, можно прийти к выводу, что эти процессы несут в себе характер перманентных эволюций.

Церковь имманентно не в состоянии находиться вне контекста общественных отношений в целом, не может не взаимодействовать с другими элементами общества. Церковь, конечно, можно отделить от государства, но ее нельзя отделить от общества. Это проявляется в сфере сознания, в идеологических отношениях, в области межцерковных контактов. Это подтверждается и тем, что очень часто в истории (в том числе последнего периода) Церковь играет подчиненную роль в своих взаимоотношениях с государством, соглашаясь с подобным положением вынужденно или в соответствии с каноническими нормами. Представляя государству возможность использовать авторитет Церкви в собственных политических целях.

Таким образом, заняв в обществе свое, присущее только ей место, Церковь взаимодействует с государством в рассматриваемой парадигме государственно-церковных отношений, являя со своей стороны тщательно структурированный институт с собственным аппаратом и разработанным учением для формирования и поддержания общественного сознания довольно значительной части населения страны в контексте исповедуемых канонических правил и догматических истин. Из этого следует вывод: несмотря на то, что в отдельные исторические периоды государство проводило репрессивные меры в отношении Церкви, тем не менее оно было заинтересовано в налаживании и укреплении государственно-церковных отношений, пусть и в специфических рамках неравного партнерства, так как государство не хотело допустить неконтролируемого развития процесса формирования общественного сознания. Стихийность в этом деле способна породить малоприятную для го-

сударства перспективу появления в обществе чуждых и потому опасных для него религиозных, духовно-идеологических внешних интервенций.

Рассмотренное выше, казалось бы, позволяет сделать заключение, что Церковь, тесно интегрированная в ткань общественных социальных отношений, в то же время является и субъектом политических отношений, то есть представляет собой и определенную политическую силу. Однако это будет не вполне точным определением. Да, конечно, Церковь иногда принимает участие в общественной жизни в качестве политического субъекта, но делает это своими специфическими, опосредованными способами.

К таким непрямым средствам политической деятельности можно отнести духовную поддержку тех или иных политических сил и лидеров, оказание им подобной помощи со страниц церковной печати. В какой-то степени используется авторитет Церкви теми или иными политическими партиями и общественными движениями, особенно в период выборов кампаний, которые имеют в своих названиях религиозное звучание. Церковь может оказывать политическое влияние через тех или иных политических и государственных деятелей, чиновников, военнослужащих, которые являются ее приверженцами - верующими людьми. Но официальное прямое участие Церкви в политике в качестве самостоятельного субъекта исключено - действует юридическая норма отделения Церкви от государства и школы от Церкви.

Однако в области общественных отношений, которые в целом довольно тесно интегрированы в политическую практику, Церковь занимает более самостоятельные позиции. Это относится к ее взаимодействию с общественными, благотворительными, культурными, национально-просветительскими, учебными, иноверческими религиозными и другими организациями. Здесь выстраивается иной уровень и характер отношений, включающий в себя и государственно-церковные, и межцерковные, и правовые, и регулятивные, и церковно-общественные отношения, связи и контакты. При этом Церковь прежде всего выполняет свои религиозно-догматические и духовно-гуманитарные функции, включающие в себя, помимо богослужбных, проповеднических, миссионерских, также и благотворительные, милосердные, миротворческие, просветительские и иные близкие им дела.

Анализ как всего контекста, так и особенностей государственно-церковных отношений, имеющих в целом характер одной из специфических разновидностей общественных взаимоотношений, определил необходимость вычленения отдельных проблем и аспектов этой большой темы, потенциально претендующих едва ли не на роль самостоятельных направлений, хотя и находящихся в общей взаимосвязи. К их числу, на наш взгляд, следует отнести следующие проблемы: социально-политические, экономические, правовые, конкретно-исторические (с учетом внутривнутриполитического и внешнеполитического факторов в каждом конкретном случае), идеологические.

И хотя трудно напрямую связать многообразную политическую жизнь общества и религиозные воззрения его граждан, тем не менее эта

связь существует. Среди прочего она заключается и в том, что от политического режима, установленного в государстве, зависит и степень религиозной свободы в обществе. В этом контексте социально-политический аспект соединен в тесном взаимодействии с такими факторами, как конкретно-исторический и идеологический, без которых нельзя представить всю полноту картины комплекса государственно-церковных отношений.

Бесспорно, что, несмотря на закрепленную законом отделенность Церкви от государства, определенная погруженность Церкви в область политических отношений в государстве тем не менее существует. Это проявляется прежде всего в том, что церковная иерархия является составной частью (пусть и сугубо специфической) руководящей элиты общества, и поэтому она находится в состоянии прямых и косвенных связей с высшими государственными чиновниками, которые определяют, формируют и проводят политический курс страны. В том числе и поэтому церковной иерархии приходится нередко, исходя из конкретно-исторической ситуации, расстановки политических сил, господства той или иной идеологической доктрины в обществе, руководить религиозными организациями, осуществлять церковное строительство с учетом особенностей существующего политического режима, а порой и прямо подстраиваться под него или испытывать его гнет.

Все это говорит о том, что Церкви всегда было не безразлично, какой конкретный политический режим существовал в стране и моментами она даже пыталась повлиять (то прямо, то косвенно) на проводимый им курс или даже устранить его, то есть, таким образом, непосредственно участвуя в политике. Не говоря уже о том, что Церковь постоянно пытается приспособиться, а то и "врасти" в те или иные политические системы, определяясь, в какой мере ей участвовать в выполнении очередных задач, возникающих перед обществом в различные периоды его существования.

Рассмотрение социально-политического фактора в государственно-церковных отношениях дает возможность изучить характер и меру воздействия конфессий на протекающий политический процесс в обществе, а также определить, насколько свобода деятельности Церкви зависит от политического положения в стране, к тому же это позволяет проследить и то, каким образом через использование религиозно-церковных задач достигаются конкретные политические цели. Помимо этого, изучение данной проблемы в целом позволяет исследовать и такие особенности, как характер и контекст отношений общественных и политических организаций с Церковью, их эволюцию в зависимости от конкретной исторической обстановки с целью постоянного стремления Церкви добиться обеспечения максимальных прав граждан в области религиозной свободы.

Анализируя сущность и специфику экономического фактора в государственно-церковных отношениях, мы пришли к выводу, что их нельзя отрывать от характера и результатов общественного производства, особенности коллективного и индивидуального труда граждан в различные исторические периоды, способов распределения и потребле-

ния материальных и духовно-культурных ценностей. Воздействие той или иной конкретной экономической модели, господствующего хозяйственно-производственного; уклада в обществе на государственно-церковные отношения проявляется прежде всего не прямым, косвенным образом, обозначиваясь более конкретно в области принятия политических решений, сфере права.

И тем не менее государственно-церковные отношения очень чутко реагируют на любые коррективы в экономической модели, которые способны значительно изменить сущность этих отношений, особенно если речь идет об экономических ошибках и просчетах, скажем, касающихся применения жестких, директивных методов, свертывания многоукладности, сужения товарно-денежного обмена и т. д. ведущих, в конечном итоге, к уменьшению прав и свобод граждан. И наоборот, в условиях развития многоукладности, рыночных отношений меняется и характер государственно-церковных отношений, они становятся более разноплановыми и равноправными.

Наличие правового аспекта в государственно-церковных отношениях дает возможность определить роль и специфику юридическо-нормативных регуляторов в этой области, выявить насколько данный фактор способен влиять на характер контактов государства и Церкви не только на уровне институтов, но и на уровне взаимодействия различных государственных органов и религиозных организаций, общества и верующих, а также между гражданами разных мировоззрений и верований. Что помогает дать более четкий анализ состояния правосознания в обществе, представить отношение граждан к праву и законности, оценить степень понимания ими проблем гражданской и общественной консолидации, гуманизации межличностных взаимоотношений, конструктивного сотрудничества в достижении социально-политического и правового равноправия, обеспечения свободного доступа всех слоев населения к духовным, религиозным, культурным, научным ценностям.

Все это позволяет выявить конкретный правовой механизм защиты прав верующих и неверующих на свои убеждения и свободы и даже обозначить перспективы в этом деле в зависимости от существующей политико-экономической модели в обществе.

Попытки государства вытеснить Церковь из общества обречены

Таким образом, государственно-церковные отношения хотя и имеют самостоятельный характер, тем не менее они существуют в прямой взаимосвязи с иными типами общественных отношений. Они находятся в постоянном развитии и меняются в соответствии с изменениями в обществе.

Государственно-церковные отношения носят конкретно-исторический характер и имеют собственную специфику. В этих отношениях существуют как устойчивые, длительные связи, так и мобильные, скоротечные процессы, которые показывают перемены, наблюдающиеся в каждый отдельный момент, отражают соотношение тех или иных сил в

обществе. Оценивая их, следует принимать во внимание, какую они имеют направленность, располагают ли они тенденцией к гуманизации, общественному согласию, укреплению патриотизма, государственных основ или к конфронтации, деструктивности.

Результаты исследования дают основание полагать, что ущемление религиозных прав и свобод граждан, ограничение роли Церкви не отвечает идеям духовного и социального развития общества, ведет к регрессивным проявлениям. К тому же опыт показывает, что никакими административными мерами не удастся вытеснить Церковь из общества, как и то, что отделение Церкви от государства не влечет за собой ее отделение от общества. Авторитет и роль Церкви зависят не от одного лишь государства, а слагаются из многих факторов, зависят, главным образом, от нее самой: от того, насколько успешно она осуществляет свои вероисповедные, духовные, миротворческие, благотворительные дела.

Попытки государства административными мерами потеснить Церковь на периферию общественной жизни, а то и вытеснить ее вовсе из общества, заведомо обречены на неудачу, приводят тем самым к конфронтации, конфликтам, напряженности и кризисным проявлениям в обществе, потере духовно-нравственного единства нации. Сосредоточение всей полноты власти в руках представителей какого-либо течения, партии, или даже монополизация ее тем или иным классом, слоем, как и узурпация права на истину кого бы то ни было из них, ведут к нарушению согласия и сотрудничества всех сословий, социальных слоев в обществе и делают его существование недолговечным и социально, политически опасным.

Важнейшую предпосылку создания новой модели государственно-церковных отношений, как составной части всей гаммы общественных отношений в стране, представляет собой метод следования принципам взаимопонимания и конструктивного сотрудничества, в том числе и на уровне связей носителей идеалистического и материалистического мировоззрений. Только следование принципам конструктивного сотрудничества, уважительного диалога отвечает задачам гармонизации, духовного возрождения, демократизации в обществе, улучшения социального положения граждан.

Изучение отечественного опыта государственно-церковных отношений дает возможность считать, что их дальнейшему плодотворному развитию в рамках модели отделенности Церкви от государства будет способствовать строгое соблюдение норм и принципов жизни правового, подлинно демократического государства с учетом национально-государственной исторической специфики. Важнейшим моментом здесь является то обстоятельство, что необходимо обеспечить на деле безусловный приоритет права перед произволом и идеологическими схемами, в какие бы привлекательные внешне одежды они не облекались.

Необходимо способствовать укреплению нравственных устоев в обществе, повышению образованности и благосостояния граждан, уменьшению социально-политической напряженности. Создание благо-

приятного социально-политического климата в обществе наряду с обеспечением религиозных свобод граждан формирует созидательный и высоконравственный климат для нормальной и плодотворной жизнедеятельности людей.

P.S. Эта концепция применима только при условии сохранения в России федеративного типа государственного устройства. При смене существующей системы государственного устройства, например, упразднении внутри России национально-государственных образований, или, скажем, учреждении института монархии, настоящая концепция перестает рассматриваться в качестве базовой модели государственно-церковных отношений. Ибо в этом случае наступает другое время и требуется иная идеология, более укорененная в национальной почве России.

Валери Аркадиевич АЛЕКСЕЈЕВ

*ДРЖАВА И ЦРКВА: ОД ПАРТНЕРСТВА ПРЕМА САВЕЗУ
Концепт за јосјсовјетску концепцију*

Резиме

Изучавање стања и перспективе односа између државе и цркве посебно у савременом животу Русије, који карактерише прелазак руског друштва од једног модела социјално-политичких односа ка другом, спада у ред приоритетних научних питања. Овој теми пажњу је посветио и аутор рада, дајући истовремено у синтетизованом виду историјску ретроспективу односа државног врха Русије према Руској православној цркви (РПЦ) - од октобра 1917. до краја 90-их година XX вијека. Сем тога, кроз изучавање природе и специфичности односа између државе и цркве аутор је покушао да да општу оцјену друштвено-историјског значаја религиозног фактора, анализом његова три саставна елемента: религиозног сазнања, религиозне дјелатности и религиозне организације. Јединствен беочух тог комплекса представља Црква.

У току 1917. до доласка большевика на власт у Русији, у склопу својих реформских активности Привремена влада је донијела неколико законских аката који су се тицали религиозног живота народа. Такав је био нпр. "Закон о слободи савјести". Но, они нијесу утицали на позицију РПЦ која је задржала своју ранију руководећу улогу у друштву.

Долазак на власт большевичке партије битно је измијенио карактер државно-црквених односа. Тежња цркве ка руководећој улози у духовној сфери дошло је у сукоб са политичким циљевима большевика који су настојали да обезбиједи потпуну доминацију комунистичке идеологије. Органи "диктатуре" објавили су истински рат "црквењацима". Био је затворен поглавар РПЦ, а хиљаде свештеника осуђено на смртну казну или казне лишења слободе. Од почетка двадесетих до почетка тридесетих година XX вијека главни задатак Комунистичке партије у Русији била је антирелигиозна борба. Посебно репресиван став у тој борби испојио је В. И. Лењин док је према мишљењу аутора, Ј. В. Стаљин имао нешто блажи однос према РПЦ и православном свештенству. До заокрета у ср-

квено-државним односима дошло је током Великог отаџбинског рата 1941-1945. Више од 20 пута у току рата поглавар РПЦ се обратио народу патриотским порукама. То је мотивисало политичко руководство земље да се окрене сарадњи са црквом, што је условило и прилив милиона вјерника у православне заједнице.

У периоду десетогодишње Хрушчовљеве владавине (од средине 50-тих до средине 60-их) КПСС је повела велику офанзиву против религије и цркве. После сјене Хрушчова, Брежњев и његови сарадници су одустали од репресивних мјера према свештенству, а противрјечности на релацији држава-црква су кренуле путем смиривања.

Идеолошко - политички притисак на РПЦ поново је оживио када се на челу ЦК КПСС налазио Ј. А. Андропов (1982-1984). С друге стране, у периоду такође краткотрајне владавине К. И. Черњенка није изражаван посебни политички став у погледу карактера државно-црквених односа. У првим годинама своје власти (1985-1987) М. С. Горбачов, по угледу на Андропова, наставио је атеистичку линију и међу грађанством је појачан антирелигиозни рад. Крајем 80-их такав правац активности је обустављен, а карактер односа између државе и цркве се почео мијењати. Томе је значајно допринијела прослава хиљадугодишњице хришћанства у Русији. Са њеним одржавањем односи државе и цркве ушли су у стабилнију фазу. Посљедњих година тај однос је добио конструктиван и узајамно користан карактер. Данас га карактерише складна и узајамно корисна сарадња у којој РПЦ није само партнер држави већ и њен сарадник. Напуштање политике борбе против цркве и схватања религиозног живота народа као "остатака прошлости" омогућило је да неслућеном енергијом васкрсне духовни живот руског народа. Све то свједочи да, и поред бруталних репресивних мјера над свештенством и вјерницима, рушења храмова и манастира, пљачкања црквених утвари и драгоцености које је систематски спровођено у периоду комунистичке владавине - у Русији није уништен православни дух народа. Савремени препород је и настао као посљедица дубоке укоријењености Православне руске цркве у духовни живот и историјски идентитет руског народа.

Valeri Arkadiyevich ALEKSEYEV

*STATE AND CHURCH: FROM PARTNERSHIP TO UNITY
(draft for post-soviet conceptions)*

The summary

Study of condition and perspective of relations between state and church, especially in the contemporary life of Russia, characterized by passage of the Russian society from one model of socio-political towards the other, is one of the most important scientific issues. The author of this article dedicated his research to this subject, presenting in a systematic way the historical retrospection of the behavior of the state leaders in Russia toward the Russian Orthodox Church – from October 1917 until the end of nineties of the XX century. Beside that, by studying the nature and specific relations between state and church, the author tried to present a general valuation of the socio-historical importance of the religious factor, by analyzing its three components: religious knowledge, religious actions and religious or-

ganizations. The unique role in those complex matters is played by the Church.

During the 1917, until the Bolsheviks came to power in Russia, as a part of its reform activities, the government had proclaimed several legal acts, regarding the religious life of the people. Such an example is the "Law regarding the freedom of conscience". But, they did not influence the position of the Russian Orthodox Church, that had maintained its previous leading role in society.

The coming of the Bolshevik party into power had radically changed the character of relations between state and church. The intention of the Church to gain the leading role in the spiritual sphere had caused a conflict with the political aims of the Bolsheviks, trying to accomplish the complete domination of the communist ideology. Organs of the "dictatorship" had proclaimed the real war to the "followers of the Church". Head of the Russian Orthodox Church had been arrested, and thousands of priest condemned to death penalty or prison penalty. From the beginning of the twenties to the beginning of the thirties of the XX century the main task of the Communist Party in Russia was the struggle against the religion. Vladimir Ilitch Lenin had taken very repressive attitude in that struggle, while, according to the author of this article, J.V. Stalin had more gentle attitude regarding the Russian Orthodox Church and Orthodox priests. The turn about in relations between state and church had happened during the Great Patriotic War 1941-1945. The head of the Russian Orthodox Church had, more then 20 times during the war, addressed the people with the patriotic messages. This had been a motive for the political leadership to turn toward the co-operation with the church, which had caused the influx of one million believers to the orthodox communities.

During the ten years of Hruschov reign (from mid-fifties until mid-sixties) the Communist Party of the Soviet Union had started the struggle against the religion and church. After Hruschov had been removed from power, Breznev and his associates had abandoned the repressive measures toward the priest, and the discrepancies between state and church had followed the path of calming down.

The ideological pressure to the Russian Orthodox Church had started again with J.A. Andropov as the head of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (1982-1984). On the other side, during the short rule of K.I. Cernenko, no defined political position regarding the character of relations between church and state had been expressed. During the first years of his reign, M.S. Gorbachov (1985-1987), following the model of Andropov, had continued the atheist line and the anti-religious activities among the population had been intensified. At the end of eighties, such activities had been stopped, and character of relations between state and church had begun to change. Celebration of one thousand years of Christianity in Russia had contributed to that as well. This celebration represents a beginning of the new era in relations between state and church. During the last couple of years, those relations had become very constructive and mutually useful. They are characterized today by the harmonious and mutually useful co-operation, making of the Russian Orthodox Church not only a partner of the state, but also its associate. Abandonment of the policy of struggle against the Church, and the religious life of the people as "reminiscent of the past" had made possible for a spiritual life of the Russian people to be resurrected by the enormous energy. All those facts show that even beside the brutal repressive measures toward the priests and believers, destruction of churches and monasteries, looting of church property, that were systematically conducted during the communist reign in Russia, had not destroyed the orthodox spirit of people. The modern renaissance is a consequence of the deep roots of the Russian Orthodox Church in the spiritual life and historical identity of the Russian people.